

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

А. И. Суворина

«Вечная память Анне Ивановне Сувориной! Почти на четверть века пережила она своего знаменитого супруга, Алексея Сергеевича, и ушла из мира видимого в невидимый старушкой, должно быть, весьма преклонного возраста...»

**Александр Валентинович
Амфитеатров
А. И. Суворина**

Вечная память Анне Ивановне Сувориной! Почти на четверть века пережила она своего знаменитого супруга, Алексея Сергеевича, и ушла из мира видимого в невидимый старушкой, должно быть, весьма преклонного возраста.

В последний раз я видел ее шестнадцать лет тому назад в Петрограде, под большевицким игом, уже очень в летах и в горькой нужде. Ограбленная дочиста большевиками, продавала единственную ценную вещь, которая оставалась еще у нее от бывшего богатства и великолепия: большой портрет Алексея Сергеевича работы К. Е. Маковского. И продать было трудно. Денег на художественные приобретения уже не было в голодавшем «красном Петрограде» ни у кого, кроме большевицких магнатов; а кто, пожалуй, и не прочь был бы заплатить, боялись: неблагонадежная покупка! Портрет основателя «Нового времени», реакционного публициста! За такое символическое благоприобретение жди, рабе Божий, отвода на Гороховую, 2, с Гороховой отвоза на Шпалерную, а там – если счастливей твой Бог, то выпустят, продержав этак меся-

цев пять-шесть на тюремной голодухе; а нет тебе доли, то и поставят к стенке. Не знаю, удалось ли Анне Ивановне сбыть портрет. Мои усердные усилия помочь ей в том не увенчались успехом.

До этой поздней петроградской встречи я не видал Анну Ивановну лет двадцать и нашел ее столь изменившеюся, что никак не узнал бы, если бы – будучи у нее в квартире – не знал наверное, что это она. Состарилась не по возрасту. Еще сохранила некоторые остатки природной темпераментной живости в речи и движениях, но от былой красоты ее и следа не оставалось. Даже знаменитые голубые глаза ее выцвели и жалость внушали тревожным выражением, накопившимся в привычке к огорчениям и страхам. А уж и глаза же были! Н. И. Кравченко, в 90-х годах придворный живописец и рисовальщик «Нового времени», не угодил Анне Ивановне портретом. Она перестала позировать, работа осталась неконченной, но глаза художник успел написать. Портрет же превратил в этюд «Дамы с голубыми глазами», сохранивший некоторое отдаленное сходство с Анной Иванов-

ной. Так прелестны были глаза, что я, хотя совсем не собиратель картин, соблазнился и купил у Кравченко это большое полотно. И долго потом поддразнивали меня в суворинском кругу, что тут дело неспроста: из Москвы в Питер переселился и в хозяйку влюбился. Портрет долго украшал мой кабинет, но во время моей минусинской ссылки жуликоватый приятель, которому на хранение оставили мы с женою свои ценные вещи, подтибрил в числе их также и голубоглазую красавицу и – черт его знает, куда он ее, бедняжку, спустил.

И глаз не стало, и опухла всем лицом, и цвет его был неприятный – бледный, но с багровым подцветом: свидетельство, что старость принесла бедной Анне Ивановне грызущие изъязны в печени и почках. Произвела она на меня впечатление тяжкое – женщины, которая бодрится, тайно сознавая, что жить ей остается очень короткий срок. Однако вот умудрилась просуществовать после того еще шестнадцать лет. И каких лет!..

Может быть, впрочем, в промежутке этом она и поправлялась временно, как многие в

первое время эмиграции, оживая от петроградской подсоветской нужды, пока не приходила с петлей-удавкой новая нужда – эмигрантская. Этой второй нужды бедная Анна Ивановна выпила полную чашу. С горьким чувством читал я в газетах, что она – гордая, самолюбивая, избалованная почетом – должна была, стоя на смертном пороге, взывать к общественной помощи.

В свое нововременское семилетие, на склоне 90-х годов, я знал Анну Ивановну дамою уже за тридцать, с детьми-подростками: сын, Борис Алексеевич, лицеист, дочь, Анастасия Алексеевна, почти на выданье. Но их молодая мамаша была еще очаровательна. На знаменитых суворинских «четвергах» во дворце «Нового времени», Эртелев, 6, собирались вокруг нее, сказать стихом Майкова, «послы, софисты и архонты, и артисты» – и все пред нею преклонялись, все окружали ее почтительно влюбленным обожанием.

Каким пленительным существом должна была она быть в ранней юности! По возрасту она относится к тому яркому поколению русского женства, что в девушках обозначилось

историческим именем Марии Башкирцевой. Из остепенившихся в браке и семье Башкирцевых выходили – конечно, при условии житейского довольства – прелестные интеллигентные дамы: жизнерадостные, остроумные, но несколько скептические и насмешливые, ибо – под внешнею беспечностью – с большою своею внутренней жизнью, открытою для очень немногих. Многим же позволительно было только догадываться о ней по обычной таким женщинам богомольной религиозности, как будто неожиданной в подобном резвом светском существе, а между тем – бывало у иных – до экстазов. К этому женскому типу весьма цельно принадлежала Анна Ивановна Суворина, веселая и богомольная, добрая, как хлеб, и вспыльчивая, как порох, благодущная и капризная.

Прибавить надо, что была она урожденная Орфанова – из рода талантливой, темпераментной и беспокойной: родная сестра Михаила Ивановича Орфанова, литератора-народника, больше известного под своим псевдонимом «Мишля», человека оригинальнейшего. Славен он был не столько своим писа-

тельством, в коем был возмутительно ленив: оставил по себе всего одну книжку (правда, очень талантливую), сколько беспечно богемным образом жизни: продолжал в 80-х годах традиции Аполлона Григорьева, Павла Якушкина и других идеалистов-«вагабундов» годов 50 – 60-х.

Между братом и сестрою не было физического сходства, да и культура их и нравы были совершенно разные. А все-таки и в блестящей, изящной, светской, даже утонченной Анне Ивановне сказывалась порою тревожная, порывистая орфановская кровь.

Политическое озлобление против Алексея Сергеевича Суворина как публициста погребало молчанием его опыты в художественной литературе, за исключением драмы «Татьяна Репина», победившей критическое предубеждение настолько, что не сходила она с театрального репертуара тридцать лет, да не сошла бы и дальше, если бы вообще всякие репертуары дореволюционного театра не кончились. Но романы Суворина глохли в незаслуженном отвержении, а теперь уже и совершенно забыты – напрасно и несправедли-

во, потому что и психологическим содержанием были они богаты, и написаны пером большого мастера, знатока русской художественной речи, да еще и в постоянном общении с другом-советчиком Антоном Чеховым. В экзальтированных женских типах суворинской беллетристики, которые так нравились Чехову, немало отголосков Анны Ивановны. Да и сам Чехов знал и любил писать этот тип, симпатично взбалмошный и ласково свое-нравный. Многим ли известно, что «Чайка» должна была быть посвящена Анне Ивановне Сувориной?..

«Я не забыл о том, что обещал Анне Ивановне посвятить „Чайку“, – писал Чехов Суворину 4 января 1897 года из Мелихова, – но воздержался от посвящения умышленно. С этой пьесой у меня связано одно из неприятнейших воспоминаний, она отвратительна мне, и посвящение ее не вяжется ни с чем и представляется мне просто бестактным».

Между ними – Анной Ивановной и Антоном Павловичем Чеховым – была долгая, хорошая дружба в кокетливой форме шутливой вражды.

Пишет Чехов «Дуэль». Недоволен.

«В моей повести нет движения, и это меня пугает. Я боюсь, что ее трудно будет дочитать до середины, не говоря уж о конце. Как бы то ни было, я все-таки кончу ее. Анне Ивановне поднесу веленевый экземпляр для чтения в купальне. Я желал бы, чтобы ее что-нибудь в воде укусило и чтобы она вышла из купальни рыдающей». (К А. С. Суворину 25 февраля 1891 г. из Москвы.)

В первом по возвращении с Сахалина письме к А. С. Суворину:

«Когда я увижу вас и Анну Ивановну? Что Анна Ивановна? Напишите подробнее обо всем, ибо я едва ли попаду к вам раньше праздников. Насте и Боре поклон; в доказательство, что я был на каторге, я, когда приеду к вам, брошусь на них с ножом и закричу диким голосом. Анне Ивановне я подожгу ее комнату, а бедному прокурору Косте буду проповедовать возмутительные идеи.

Крепко обнимаю вас и весь ваш дом, за исключением Жителя и Буренина, которым прошу только кланяться и которых давно бы уже пора сослать на Сахалин» (Москва, 9 де-

кабря 1890 г.).

Анна Ивановна жалуется на скуку. Чехов насмешливо рекомендует ей компанию самых скучных посетителей ее «четвергов»:

«Поклон цензору Матвееву. Я Анне Ивановне предлагал пригласить его и Ивана Павловича Казанского в Феодосию на все лето. Они такие весельчаки!»

И еще раз о тех же:

«Я пишу водевиль. Действующие лица: Анна Ивановна, Айвазовский, генерал Богданович, Иван Павлович Казанский и цензор Макаров» (Алексин, 10 мая 1891 г.).

Но вот – серьезнее. Когда Чехов нанял под дачу большой барский дом в Богимове близ Алексина, то на первых порах был от него в восторге и расписал свой новообретенный дворец самыми привлекательными красками. Так что Суворины, придумывавшие в это время, где бы им, весьма непоседливым дачникам, свить новое очередное летнее гнездо, даже взревновали к чеховской удаче. А Чехов оправдывался:

«Анна Ивановна сказала: „...вот ведь не догадался предложить эту дачу“... Анна Иванов-

на должна за меня вечно Бога молить. Когда я нанимал большой дом, то думал о вас больше, чем о себе. Домина громадный, парк великолепный, река, пруд, и для вас как раз бы подошло, но телеграфировать вам остановили меня отсутствие мебели и многое другое, что длинно было бы перечислять. Помещения так много, что поместились бы и вы, и мы: вы в большом доме, а мы в едином из флигелей; но где бы вы взяли мебели и экипаж? Анна Ивановна, приехав и увидев обстановку, обругала бы меня мужиком и больше ничего. Если хотите, то дачу эту можно будет приготовить вам к будущему году. Из нее можно сделать рай. Фортепьян есть, можете себе представить. И биллиард есть.

Кстати, прочтите врагу моему Анне Ивановне письмо Григоровича: пусть у нее душа порадуется. „Чехов принадлежит к поколению, которое заметно стало отклоняться от запада и ближе присматриваться к своему...“

„Венеция и Флоренция ничего больше, как скучные города для человека даже умного...“ Мерси, но я не понимаю таких умных людей. Надо быть быком, чтобы, приехав первый раз

в Венецию или во Флоренцию, стать „отклоняться от запада“. В этом отклонении мало ума».

Известно, что Чехов весьма дорожил своим званием врача и не было для него большего удовольствия, как полечить; нельзя было больше угодить ему, как спросив у него медицинского совета. Старик Суворин хотя никогда у него не лечился, но переписка их изобилует пространными беседами о здоровье, в которых Чехов усердствовал соn amore. Для такого мнимого больного, как могучий старик Суворин, врач был самый подходящий, но Анна Ивановна не хотела признавать медика в беллетристе и врачебное искусство его вышучивала.

«Если бы вы, – пишет Чехов Суворину из Мелихова 27 октября 1892 года, – не были похожи на Анну Ивановну и верили в мой медицинский гений, то я прислал бы вам хороший рецепт – пилюли от запоров. Но вы в этом деле считаете меня „мужичонкой“ и даже не хитрым. Аллах вам судья!»

Чехов, в отместку, шутил над дамскою рассеянностью Анны Ивановны. Она пишет Че-

хову в Ниццу, адресуя – «Нисо, Антону Павловичу», – позабыв дописать фамилию. Письмо тем не менее дошло. Чехов – «сел писать ей ответ в виде драматического диалога, но не кончил: что-то помешало. Пожалуйста, Алексей Сергеевич, передайте ей поклон и мой привет от всей души» (18 декабря 1897 г.).

И в другой раз: «Хотел было написать Анне Ивановне в ответ на ее письмо стихи, но ничего не вышло».

Добрыми пожеланиями и приветами Анне Ивановне заключаются едва ли не все письма Антона Павловича к старику Суворину, обыкновенно в тройственном соединении имен с обоими детьми: «Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон и привет из глубины сердца» (27 января 1898 г. Ницца). «Анне Ивановне и всем вашим тысячи сердечных пожеланий». «Передайте Насте, что если бы я был на спектакле (в зале Павловой), то непременно поднес бы ей корзину цветов» (1 апреля 1897 г.). «Вы ничего мне не пишете об Анне Ивановне и о Насте. Что они поддельывают? Как поживают? С вами ли Боря? Пожалуйста, поклонитесь им и скажите, что я вспоминаю

о них каждый день» (21 июня 1897 г. Мелихово).

И так далее – всегда все в том же сердечном, почти родственном тоне. Иногда добавляются имена мадмуазель Эмили, гувернантки Анастасии Алексеевны, также большого друга Чехова, и Евгении Константиновны, сурруги Алексея Алексеевича Суворина.

По Петербургу ходит инфлюэнца. Забралась она и в суворинский дом. Чехов откликнется:

«Что Буренин болен, это не беда: страдания ведут к совершенству. Но Настю бедную очень жаль. Ее гонит в рост, она скоро будет с вас ростом: комплекция у нее не из важных: вероятно, будет часто хворать, пока не окрепнет и не перевалит за 20 лет. Если у нее только малокровие, то почему же 39 гр. Если инфлюэнца, то не лучше ли ехать в деревню, а не за границу, где тоже инфлюэнца. Не верю я в целебную силу заграничных поездок. Вагонная качка, подлые табльдоты, отсутствие печей, твердая почва под ногами и магазинная суета – все это, по-моему, не вредно только здоровому. Извините, что я вмешиваюсь, но

Насте в Феодосию лучше бы».

«Вы уже давно писали мне, что у Анны Ивановны болит горло. Самое лучшее лечение при болезни горла – это иметь мужество не лечиться» (29 декабря 1895 г. из Мелихова).

В биографиях Чехова и воспоминаниях о нем обыкновенно отмечается только дружба Антона Павловича с самим стариком Сувориным – литературная и житейская. Но это неверно. Он был тесно связан со всею суворинскою семьею. И в ней тоже с величайшим вниманием и любовью следили за его успехами, тревожились неудачами.

«Черный монах» встревожил Сувориных за Чехова: в мрачности повести почудилась им субъективная исповедь самого автора. Чехов отвечал:

«Кажется, я психически здоров. Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, переходное и житейски естественное. Во всяком разе, если автор изображает психически больного, то это не значит, что он сам болен. „Черного монаха“ я писал без всяких унылых мыслей, по холодном размышлении.

Просто пришла охота изобразить манию величия. Монах же, несущийся через поле, приснился мне, и я, проснувшись утром, рассказал о нем брату Мише. Стало быть, скажите Анне Ивановне, что бедный Антон Павлович, слава Богу, еще не сошел с ума, но за ужином много ест, а потому и видит во сне монахов».

Известно, как тяжело принял Чехов провал своей «Чайки» на сцене Александрийского театра труппой, закоснелой в «традициях» и не сумевшей или не пожелавшей вникнуть в новый дух чеховского театра. (Знаменитый комик Варламов уверял, что пьеса Чехова – это: «гренти-бренти, Антон ведет козу на ленте»). В письме Чехова к Суворину (22 октября 1896 г. из Мелихова), по поводу чрезмерных утешений в провале «Чайки», Антон Павлович пишет: «Сестра (Марья Павловна) поспешила из Петербурга домой, вероятно, думала, что я повешусь. Она в восторге от вас и от Анны Ивановны, и я рад тому несказанно, потому что вашу семью люблю, как свою».

Еще более выразительное признание в позднейшем письме от 16 ноября 1900 г.:

«Из газет я узнал, что Настя вышла замуж.

Поздравляю вас, Анну Ивановну и Настю, желаю от души от чистого сердца счастья. К вашей семье я привязан почти как к своей, и в искренность моего пожелания вы можете верить».

А ведь тогда литературно-деловая связь между Сувориным и Чеховым уже порвалась и Антон Павлович, совсем отойдя от «Нового времени», был в объятиях «Русской мысли».

Бывая в Петербурге, Чехов обыкновенно стоял у Сувориных. Заботами Анны Ивановны ему была устроена славная квартирка-гарсоньерка в дворовом флигеле, на третьем этаже, – превосходные спальня и приемная, прихожая и кухня. Потом она перешла ко мне, и я прожил на ней почти целый 1897 год с великим комфортом, но шуточно попрекаемый строгою домовладелицею:

– Денег за квартиру не платит, а швейцар плачет: домой возвращается не раньше пятого часа утра и народа к нему ходит – видимо-невидимо!

В этом моем году приезжая, Чехов останавливался в большом суворинском доме в семейной квартире хозяев. Видались мы с ним

довольно часто, но все на минутки. А подолгу, по-московски, только в некоторые суворинские «четверги», оба спасаясь от их тягостной, однообразно повторной из недели в неделю скуки. Насколько увлекательно интересно бывало общение с Суворинными в их тесном семейном кругу, настолько же скучны были их парадные приемы с генералами, военными всех видов оружия и статскими – от бюрократии, от дипломатии и от литературы. Достопочтенных и знаменитых собиралось весьма значительное количество, но однажды повидать это сонмище было интересно, дважды – куда ни шло, ну а в третий раз, пожалуй, уже только в наказание за грехи. Чехов высчитал, что постоянные почетные гости суворинских «четвергов» слагают по возрасту солидную сумму в тысячу лет. Каждый из этих именитых старцев в отдельности был собеседником весьма замечательным, но, по совокупности, разводили они скуку зеленую, которую выдерживать долго могла только крутившаяся вокруг них искательная молодежь карьерного типа – Молчалины разных ведомств и профессий при соответственных

Фамусовых. Молодежь настоящая, – вольнолюбивая, резвая, самостоятельная, товарищи Бориса и подруги Насти (Чехов звал ее «Настюшей» и «Ах, Настасья ты, Настасья, отворяй-ка ворота!»), – быстро сбегала от этого кладбища живых покойников и образовывала свои кружки, в которые включаться людям постарше было рискованно: того гляди, попадешь в Павлики Дольские из повести Апухтина и услышишь, как поют про «кого-то» забавную таинственную песенку:

*А Мельхиседек
Отличный человек!..*

И все юные кругом хохочут невесть чему, а тебе одному почему-то нисколько не смешно. Так даже и с общим любимцем, Антоном Павловичем, бывало. Однажды суворинская молодежь насовала ему в карманы таких дразнящих записочек, что он даже по-латыни отшучивался: «Utiman lupus vos devoret!» («Ах, волк вас заешь!»).

По-моему, в четверговом царстве скуки скучнее всех было самим хозяевам, Алексею Сергеевичу с Анною Ивановною, таким жи-

вым, темпераментным, разнообразным, естественным. Но оба они любили почет и были податливы, в особенности Анна Ивановна, на лесть. А ее разливались потоки!.. Ну, что же делать? Слаб человек. За большое удовольствие не прочь платить и не малыми неприятностями. Отсюда – терпимость к «таким сельчакам», как генерал Богданович, Казанский и цензор Матвеев.